

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В КОНКРЕТНОЙ МЕТАФИЗИКЕ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО*

«...глубочайшие философы, особенно на
вершинах своих размышлений, всегда
тяготели к спекуляциям над числами»¹

Философия о. Павла Флоренского, представляя собою современную версию платонизма, естественно отводит заметную роль ЧИСЛУ. Особое место число занимало в онтологической иерархии уже у Платона; не менее значима именно эта категория в диалектических построениях Плотина и Прокла². Выявить особенности функционирования ЧИСЛА в диалектике³ Флоренского и уточнить специфическое место этой категории в онтологических схемах, используемых в его работах, – цель настоящей статьи⁴.

Прежде чем говорить собственно о ЧИСЛЕ, следует посмотреть как вообще понимается термин «категория» в рамках конкретной метафизики Флоренского. Достаточно подробно свое понимание этого термина о. Павел развертывает в «Философии культа». Исходным при формировании сетки категорий, полагает он, является выбор веры, акт воли избирающий исходную реальность (как бы систему отсчета), на которой «ориентируется» в дальнейшем наша мысль. Для христианина такая исходная реальность – Господь Иисус Христос, Воплотившийся Смысл. Пребывание Его в Церкви – это реальность Культа, в центре которого – Святые Дары. Именно культоцентризм, по Флоренскому, есть «конкретное распространение» христоцентристской ориентировки. Культ же есть «горная, или умная реальность, хотя и являющаяся конкретно и наглядно». «Если актом воли мы ориентировали себя, – пишет Флоренский, – то далее требуется *опознание* своего акта, «критический» разбор тех углов зрения, которые он безусловно предполагает и требует, и отвержение каковых было бы вместе – и отвержением самой ориентировки. Эти основные углы зрения будем называть, расширяя значение кантовского термина, – *категориями*». Категории «априорны», поскольку это те углы зрения, «под которыми должен быть усмотрен какой угодно опыт».

Следующий вопрос – это вопрос о дедукции системы категорий в рамках избранной ориентировки. Но от решения этого вопроса Флоренский отказывается как от слишком сложного: «в христианстве, где «много обитателей Отца Небесного», где много типов возрастания, едва ли и можно дать законченную

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 04-03-00133а).

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С.806.

² См.: Платон. Государство, кн. VI, 509d-511e; Плотин. Эннеады, VI, 6; Прокл. Первоосновы теологии, §§ 113–159.

³ О понимании о. Павлом терминов «диалектика» и «схема» см. в заключительной части статьи.

⁴ Замысел этой статьи первоначально возник как результат общения с А.Н.Паршиным, обратившим мое внимание на важность загадочной схемы в § XVII работы Флоренского «Имена» (ок. 1923–1926). См.: Паршин А.Н. Путь. Математика и другие миры. М., 2002.

однообразную систему категорий». Сложность такой дедукции связана и с динамичностью этой системы: «В области духовной категории – не механизм, с его раз навсегда выделанными колесами и рычагами, а гибкая и живая система, приспособляющаяся целестремительно в данном духе и применительно к данному его опыту, – система органическая, а не механическая, и потому допускающая обсуждение себя лишь в общих линиях»⁵.

Категории, с которыми хочет работать Флоренский, – это категории «онтологические», «не отвлеченные, а конкретные»⁶. Однако, несмотря на все оговорки относительно подвижности и незаконченности, для категориальной системы, развертываемой в текстах Флоренского, характерен ряд типических ходов мысли, а также работа со вполне устойчивыми онтологическими схемами.

1. Принципы построения онтологии

Прежде чем начать обсуждение развернутых онтологических схем о. Павла, выделим наиболее общие принципы их построения.

Принцип полярности (антиномичности)

Учение о полярности как «верховном начале всей онтологии» возводится Флоренским к учению Шеллинга, а далее – к Каббале. Согласно этому взгляду, с которым о. Павел солидаризируется, всюду господствует «закон полярного расчленения и сочетания противоположностей», всюду – «начиная от Вечного и кончая самой ничтожной тварью», «все явления обнаруживают полярное раздвоение на две сопряженных и противоположно устремленных силы»⁷. Парадигмальный пример – электромагнитные явления, так интересовавшие о. Павла⁸.

Принцип «тернера» (целостности)

Принцип дуализма должен быть дополнен важной оговоркой: полюса имеют смысл только в составе некоторого целого. Единство и целостность онтологически первичны по отношению ко множественности полюсов. «Не единство составляет множество, – пишет Флоренский, – а во множестве

⁵ См.: Флоренский П.А. Культ и философия (1918) // Философия культа. М., 2004. С. 113–115.

⁶ Флоренский П.А. Имеславие как философская предпосылка (1922) // Собр. соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 258; Флоренский П.А. Автореферат (1925–1926) // Собр. соч. в 4-х томах. М., 1994. Т. 1. С. 39.

⁷ Флоренский П.А. Золотое сечение (1917) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 461–462, и примечания на с. 601–602. В своих натурфилософских построениях Шеллинг утверждает, что «закон полярности есть всеобщий закон мироздания», причем «всеобщий дуализм природы» «в физике до конца выведен быть не может, а должен быть просто принят в качестве предпосылки, плодотворность которой затем демонстрируется при рассмотрении различных природных явлений. «Каждая действительность, – пишет Шеллинг, – уже предполагает раздвоение. Там, где существуют явления, существуют и противоположные силы. Следовательно, учение о природе предполагает в качестве непосредственного принципа всеобщую двойственность, а для того чтобы понять ее – всеобщее тождество материи». Говорит он и о «всеобщей борьбе отрицательных начал с положительными, из которой гармонически развивается система природы». См. Шеллинг Ф.В.Й. О мировой душе // Соч. в 2-х томах. М., 1987. Т. 1. С. 100–101, 106, 119. Каббале о. Павел посвятил лекционный курс 1915 г. У истоков европейской традиции подобный взгляд наиболее ярко прослеживается во фрагментах Гераклита и дуализме пифагорейцев (таблица противоположностей у Аристотеля).

⁸ От занятий физикой в гимназические годы до работ в области электротехники и материаловедения в 20–30-е годы.

является единство». Целое – это и есть единство во множестве. «Целое есть единство многоразличного. Каково есть простейшее множество? – Двоичность. Целое есть прежде всего единство двоицы». Это же целое называется у о. Павла «ИДЕЕЙ». Полюса являют идею. Они неразрывны, но, в то же время, – взаимно противоположны. «Идея, единая в себе, является как сопряженность антиномически противолежащих полюсов, – как антиномия»⁹. Полюса магнита, или положительные и отрицательные электрические заряды, – различаются только в отношении друг друга, а не сами по себе. Они всегда указывают на некую целостность, но в то же время являют ее в противоположности образующих антиномию начал. Поэтому принцип полярности мы выше назвали также принципом антиномичности¹⁰.

Онтологические конструкции, как видим, предполагают не только пары противоположностей, но и объединяющую их целостность. Точнее: целостность всегда раскрывается как пара противоположностей. Онтология в основе своей триадична: положительный полюс – отрицательный полюс – целостность полюсов. Или, как у Гегеля: тезис – антитезис – синтез. «Противопоставленностью тезиса и антитезиса, – пишет Флоренский, – осуществляется сильный пульс внутренней жизни; а связанностью их обоих синтезом – цельность и единство этой жизни»¹¹. Такая триада и именуется у о. Павла «тернером»¹².

Принцип «зеркала»

Полярность понимается о. Павлом по принципу «зеркала». Например, две силы, тождественные по величине, но противоположно направленные. Или: зеркально симметричные фигуры. Вообще объекты, различающиеся лишь друг относительно друга¹³.

⁹ Флоренский П.А. Золотое сечение (1917) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 460–462.

¹⁰ Именно под таким названием этот принцип широко представлен в текстах Флоренского. В первую очередь – в «Столпе» (1908–1914), затем – резюме этих мыслей в «Автореферате» (1925–1926), где он писал, что «всякое действие разума существенно антиномично, и все построения его держатся лишь силою противоборствующих и взаимоисключающих начал», «непреклонная истина» – это «предельное противоречие». «Предмет, соответствующий этой последней антиномии, и есть, очевидно, истинная реальность и реальная истина. Этот предмет, источник бытия и смысла, воспринимается опытом». См.: Флоренский П.А. Собр. соч. в 4-х томах. М., 1994. Т. 1. С.40.

¹¹ Флоренский П.А. Дедукция семи таинств (1919) // Философия культа. М., 2004. С. 179.

¹² Там же. С.181. Принцип «тернера» может быть соотнесен конечно же не только с Гегелем, у этого принципа также легко прослеживаются античные корни. Немного модифицировав нашу триаду мы получаем ее в таком виде: единство – полярность – целостность. Здесь можно увидеть параллель с неоплатонической триадой: пребывание – исхождение – возвращение, а, в конечном итоге, – с пифагорейским: монада – диада – триада.

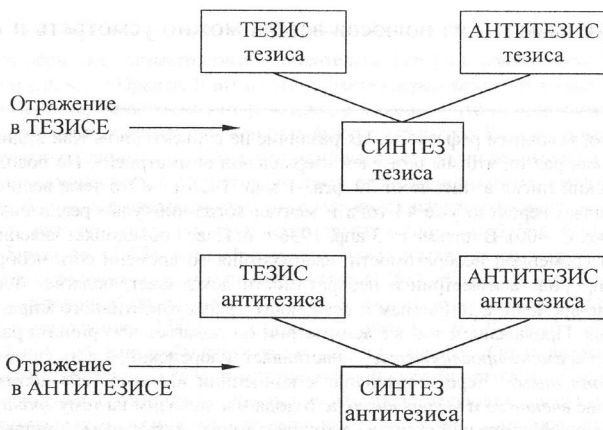
¹³ Интерес к подобного рода объектам у Флоренского стимулирован, по всей вероятности, Кантом. «Огромною заслугой Канта, – пишет о. Павел, – было указание, что могут быть объекты ничем не различающиеся между собою в понятии, для рассудка, но тем не менее различные, – так что разница постигается между ними лишь при их наглядном сравнении. Такими объектами оказываются, напри-

мер, правая и левая перчатка, симметричные относительно центра и равные между собою сферические треугольники и т.п. <...> Правда, Кант из этого факта *сначала* делал тот вывод, что пространство – не понятие, а реальность, независимая от рассудка; а *потом*, – что пространство – не понятие, а форма созерцания. Но, так или иначе, а наличие фактов, открытых Кантом, доказывает, что могут быть объекты, заведомо различные, но такие, что разница между ними решительно не формулируема рассудком, т.е. различающиеся один от другого не тем или иным *признаком*, а *ipso facto*, непосредственно. Не в признаках бытия, а в самых недрах его содержится начало различия, и, – для рассудка, – объекты могут быть различными лишь друг через друга» (Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М., 1914. Прим. 56. С. 635–636). При этом о. Павел ссылается на следующие работы Канта: «О первом основании различия сторон в пространстве» (1768); «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» (1770), § 15С; «Пролегомены» (1783), § 13; «Метафизические начала естествознания» (1786), Разд.1, деф. 2, прим.3. (См.: Кант И. Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1994. Т. 2 и 4). Можно добавить к этому перечню работу «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763), в которой подробно разбирается именно понятие *противоположности* и приводятся соответствующие примеры, представляющие аналоги математического различения положительных и отрицательных величин. Можно высказать предположение, что знакомство Флоренского с работами Канта «докритического» периода в годы первого студенчества дало толчок к появлению геометрической интерпретации комплексных чисел, составившей позднее основу работы «Мнимости в геометрии» (1922). Студенческая рукопись «Новая интерпретация мнимых величин» (август 1902), соответствующая почти дословно §§ 2–6 издания 1922 г., обосновывает методологическую потребность различать стороны плоскости отталкиваясь именно от наличия зеркально симметричных фигур. В письме матери (май 1902?) Флоренский пишет об учреждении научного общества при филологическом факультете Московского университета, членом которого является и он, а в письме от 6 окт. 1902 г. говорит о деятельности этого общества следующее: «Оно собирается первым номером своей издательской деятельности пустить собрание латинских диссертаций Канта в русском переводе. Я взял одну маленькую – страниц в 20 для перевода, а потом, если найду время, переведу еще другую, тоже небольшую». По-видимому, речь идет о «Физической монадологии» (1756), перевод которой был издан в 1905 г. в «Богословском вестнике». Насколько известно, других работ Канта Флоренский не переводил. Об интересе ко взглядам Канта на природу пространства в этот период говорит и вступление к работе Флоренского «Заметки по теории сетей» (дек. 1902), открывающееся цитатой из «Критики чистого разума» и рассуждением на эту тему. Интересно также отметить, что письмо Флоренского отцу (еще от 10 нояб. 1900 г.) содержит рассуждения о числе нуль весьма созвучные работе Канта об отрицательных величинах 1763 г. (См.: Переписка Флоренских. 1900 // Человек. М., 2005. № 4. С. 152–156). Начинается это письмо словами: «Я хочу написать тебе несколько слов об одном вопросе, который давно меня интересует, но в котором я не могу разобраться». Флоренский говорит далее о необходимости различать ситуацию, когда действия взаимно компенсируются, нейтрализуются и в итоге дают 0, от ситуации, когда 0 указывает на отсутствие всякого действия вообще. «Ноль, – пишет Флоренский, – может быть *качественно* отличным от нуля». Величины отличающиеся только знаком дают в итоге нуль: $+A-A=0$, но это качественно отменно от случая, когда нуль обозначает «совершенное ничто». Эти рассуждения о нуле связаны с важнейшими для творчества Флоренского понятиями «символа» и «границы». Символическое искусство и мышление имеют главным своим предметом границу внешнего и внутреннего, чувственного и духовного. Сама эта граница – почти ничто, неуловимая грань, «нуль», и в то же время, она – наиважнейшее, точка встречи феномена и ноумена, вбирающая в себя всю полноту бытия. Например, целостность человеческой личности мыслится о. Павлом как сосуществование дневного и ночного сознания, сумма которых равна нулю (Золотое сечение, 1917 // Соч. в 4-х томах. Т. 3 (1). С. 477). Величины, отличающиеся только знаком – пример объектов различающихся лишь друг относительно друга. Зеркально симметричные фигуры «Мнимостей» также характеризуются одинаковой по абсолютной величине, но имеющей различные знаки, площадью. Специально «зеркальности» посвящено письмо о. Павла «об асимметрии» сыну Кириллу с Соловков (от 3 апр. 1936 г., см.: Флоренский П.А. Письма с Дальнего Востока и Соловков (1933-1937) // Соч. в 4-х томах. М., 1998. Т. 4. С. 424–430). «Что такое асимметрия? – пишет о. Павел. – Наличие в природе таких объектов, которые не могут быть различены между собою никаким отвлеченно указуемым признаком (напр. правая и левая перчатка), т.е. сведением к какому-нибудь инородному понятию, а различаемы лишь в отношении друг к другу или к какому-либо другому случаю асимметрии же; однако асимметричные объекты действительно различны и не могут быть взаимозаменяемы, различие их реально, т.е. не обусловлено произволом, же-

При этом, «в каждом из полюсов всегда можно усмотреть и новую полярность»¹⁴.

ланием, привычкой, условным рефлексом. Их различие не субъективно». Как видим «асимметрией» о. Павел называет как раз то, что мы называем «зеркальной симметрией». По поводу «асимметрии у природы» Флоренский писал в письме от 29 фев.–1 мар. 1936 г.: «Это тема величайшей важности, над нею я размышляю вероятно уже 44 года и мечтал когда-нибудь реализовать свои мысли и материалы» (Там же. С. 400). В письме от 3 апр. 1936 г. о. Павел объединяет явления пространственной асимметрии и временной необратимости: «асимметрия во времени есть необратимость». Факт существования в природе асимметрии и необратимости доказывает, полагает Флоренский, *реальность* пространства-времени, а тем самым и реальность трансубъективного мира, природы – предмета естествознания. Проявлением той же асимметрии он полагает и «принцип рассеяния материи-энергии». «Быть во времени-пространстве», – настаивает Флоренский, – есть синоним *быть необратимым и асимметричным*. Через обращение к концепции «Мнимостей» асимметрия предстает далее как различие *внешнего и внутреннего*, а отсюда мы выходим на тему *границы* (т.е. на вопросы, разрабатываемые с формальной стороны в топологии). «Все процессы», – пишет о. Павел, – происходят на поверхности, на границе между ВНУТРИ и ВНЕ». Здесь вспоминаются рассуждения о «коже вещей» в связи с понятием *символа* в воспоминаниях «Детям моим» (1916–1925) (Флоренский П.А. Детям моим. М., 1992. С. 154) и, еще раньше, в «Столпе» (Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины (1914). М., 1990. С. 276–277), а также – тема границы миров в «Иконостасе» (1921–1922). Реальное же различие «внутри» и «вне» требует, согласно о. Павлу, *кривизны* пространства-времени. Через последнюю Флоренский выходит на тему *формы и структуры*: «Выражусь как будто сравнением, но на самом деле по существу, – пишет он, – существует потенциал формы, ибо форма создает силовое поле, определяющее ход явлений. Форма есть фактор, кривизна формы-поверхности есть потенциал поля этого фактора там, где он достигает наибольшего значения. Отсюда вытекает необходимость изучения структур природных и искусственных образований, как определяющих характер и ход явлений. Последние обусловлены всецело взаимодействием морфологических полей». Разговор о «форме» и «структуре» вводит нас в самую сердцевину онтологии Флоренского. Как видим тема «зеркальности» оказывается одной из важнейших и сквозных для метафизических размышлений о. Павла на протяжении всего его творчества. «Зеркало» – одна из основных онтологических метафор. О принципе «зеркала» в античности и в христианской письменности см.: Романенко Ю.М. «Тимей» Платона: Образ космоса в гадательном зеркале; Чулков О.А. «Живые зеркала». Мифология и метафизика отраженного образа // АКАДΗΜΕΙΑ: Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2000. С. 52–75; 192–214. См. также: Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М., 2005.

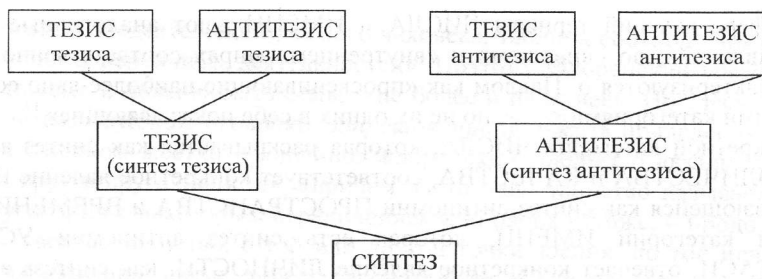
¹⁴ Флоренский П.А. Дедукция семи таинств (1919) // Философия культа. М., 2004. С.185. Подобная конструкция имеется уже в «Пармениде» Платона. Платоновский Парменид анализирует гипотезу «единое существует» и приходит к выводу, что существующее единое как целое состоит из единого и бытия как своих частей. Затем читаем: «Парменид. Что же далее? Каждая из этих двух частей существующего единого – именно единое и бытие, может ли оставаться особняком: единое без бытия как своей части, и бытие без единого как своей части? Аристотель. Нет, не может. Парменид. Следовательно, каждая из этих двух частей в свою очередь содержит и единое и бытие, и любая часть опять-таки образуется по крайней мере из двух частей; и на том же основании все, чему предстоит стать частью, всегда точно таким же образом будет иметь обе эти части, ибо единое всегда содержит бытие, а бытие – единое, так что оно неизбежно никогда не бывает единым, коль скоро оно всегда становится двумя. Аристотель. Совершенно верно. Парменид. Что ж, существующее единое не представляет ли собой, таким образом, бесконечное множество? Аристотель. Выходит, так» (142de). В примечаниях к этому месту А.Ф.Лосева и А.А.Тахо-Годи указывается, что Плотин использовал это рассуждение «как модель для взаимодействия категорий» (Платон. Собр. соч. в 4-х томах. М., 1993. Т. 2. С. 507). Свое описание Ума Плотин соотносил именно с описанием в диалоге «Парменид» «едино-многого» (трактат V 1, 8). Вот как предлагает Плотин представлять себе умный мир в отличие от мира чувственного: «представьте себе, что в этом видимом мире каждое существо, сохраняя особенность своей индивидуальной сущности, сливается воедино со всеми другими до такой степени, что уже ничто отдельно само по себе не привлекает вашего взора, но все видится как одно слитное единое; вообразите кроме того, что это будет тогда как бы прозрачный, стоящий перед вашим взором шар, в котором сразу можно видеть все, в нем заключающееся» и т.д. (трактат V 8, 9, см.: Плотин.

Основная онтологическая схема содержит у о. Павла *семь* ячеек:¹⁵ исходный тернер и его зеркальное отражение в тезисе и антитезисе, т.е. всего три тернера: исходный и два – на иерархически более низком уровне.

Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб., 1995. С.131). На уровне Ума – «все во всем», все *просвечивает* всем, но в то же время не утрачивает своей индивидуальности и распознаваемости. Об этом же пишет Дамаский: «действительные вещи все связаны между собой, и о какой бы ты ни завел речь, она окажется также всеми остальными. В таком случае роды сущего также связаны между собой и в каждом из них содержатся все остальные» (Дамаский. Комментарий к «Пармениду», 200. См.: Дамаский Диадох. О первых началах. СПб., 2000. С.462). Об этом же говорит Флоренский в беседе с Н.Я. Симонович-Ефимовой: «Вообще, природа духов не может так же делиться как мы, на отдельное и не отдельное. Они и то и другое. Тут мы входим в мир идей Платона» (Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 356).

¹⁵ Почему именно *семь*? – Это минимальное число, полноценно выражающее основную схему порождения. Выделенное положение именно этого числа в онтологических схемах вновь восходит к Платону и неоплатоникам. Его можно обнаружить уже в «делении отрезка» в конце VI книги «Государства»: исходный отрезок – деление его на две неравные части – деление каждой из получившихся частей вновь в том же отношении. В «Тимее» демиург делит душу на семь частей. В неоплатонической интерпретации *гептада* (*седмерица*) – число Аполлона. Уже Плутарх утверждал, что древние мудрецы считали Аполлона семеркой. У Прокла, в комментарии к «Тимею», Аполлону соответствует монада, а Дионису – диада. Орфическому мифу о растерзании Диониса титанами на *семь частей* (!) соответствует дробление мирового ума (души), восстановлению тела растерзанного Диониса Аполлоном – приведения мировой множественности к порядку и гармонии. По этой причине Аполлон именуется «гепдомагетом» (седмичником). Интересно, что Дионис испытывает растерзание *смотря в зеркало* (!). Об этом же у Олимпидора. Подробнее см.: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии (1957) // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С.560, 593–600. Согласно «Теологуменам арифметики», гептада символизирует *тело*: $7=3+4$ (3 – ширина, глубина, высота; 4 – точка, линия, поверхность, объем). По Августину («О христианской науке»), 3 – число Творца, а 7 – число *твари*, т.к. $7=3+4$, где 3 – это жизнь, в которой относятся сердце, душа и разум («должно любить Бога всем сердцем, всею душою и всем разумением»), а 4 – тело (четыре стихии). (В «Теологуменах» можно вычитать, что 3 число совершенства, а 4 – мира-космоса). В «Столпе» (с.801, прим.984) о. Павел пишет, что 7 – *число Софии*, что как бы собирает воедино основную мысль всех приведенных выше толкований (отметим кстати, что, согласно «Теологуменам», гептада – «дева», как простое число). Это примечание «Столпа» написано в связи со стихами Вяч. Иванова и его любопытно соотносит со следующей трактовкой, сохранившейся в карандашном наброске к беседе Вяч. Иванова с М.О.Гершензоном (1915): «4 (Тварность) + 3 (Бог) = 7 (София)». См.: Троцкий В.П. Древнеегипетский «анх» в символике поэтических произведений В.Иванова // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С.439. Семь – «число, символически означающее

2. Семь основных категорий

В работе «Имена» (1923–1926) Павел Флоренский приводит следующую схему семи основных, как онтологических, так и гносеологических начал.

«Каждое из познавательных начал, – пишет он, – в свой черед, порождает из себя пары, члены которых попарно относятся между собою так же, как самые начала друг к другу»¹⁶.

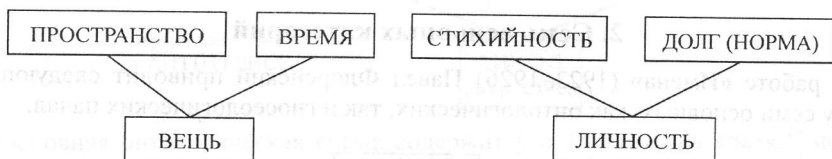
$$\frac{\text{ЧИСЛО}}{\text{ИМЯ}} = \frac{\text{КОЛИЧЕСТВО}}{\text{КАЧЕСТВО}} = \frac{\text{УСИЯ}}{\text{ИПОСТАСЬ}}.$$

полноту» (Флоренский П.А. Об историческом познании (1916) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 34). Семь – число Премудрости у греков (девы Афины). Вспомним также «семь мудрецов» (состав имен в списках меняется, но число мудрецов остается неизменным). Но наиболее ярко 7 как число полноты раскрывается в Библии. Здесь мы находим: семь столбов дома Премудрости (Притч, 9, 1), камень с семью очами Господа, которые объемлют взором всю землю (Зах, 3, 9; 4, 10), семь гор величайших, произрастающих розу и лилию, через которые будут исполнены радостью сыны народа Божия (3 Езд 2, 19), семь ангелов Господних (Тов 12, 15; Откр 1, 4) и все символические семерки Апокалипсиса. Бог благословляет седьмой день творения (субботу) и освящает его (Быт 2, 2–3), отсюда – символический смысл седьмого дня, седьмой недели, седьмого месяца, седьмого года. Семи-дневный или семилетний период – это полнота времени для очищения, испытания, посвящения, оплакивания или празднования. Наиболее значимые действия, особенно священные, повторяются семь раз – семикратное окропление кровью или елеем, семикратный поклон, семикратное обхождение вокруг, семикратное омовение, семикратное прощение. Семь это и число участвующих в священном действии – семь священников, семь жертвенников, семь жертвенных животных, семь лампад на передней стороне святилища. Христос насыщает целую толпу семью хлебами, после чего собирают семь корзин объедков (Мф 15, 34; Мк 8, 5–8). Кроме того 7 – это и число полноты зла (вспомним образ дьявола как обезьяны Бога): изгнание из земли обетованной семи народов (Втор 7, 1), семь злейших духов в притче о выметенной горнице (Мф 12, 45; Лк 11, 26), изгнание из Марии Магдалины семи бесов (Мк 16, 9; Лк 8, 2) и т.д.

¹⁶ Флоренский П.А. Имена // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 221.

В сфере явлений тернеры ЧИСЛА и ИМЕНИ дают аналогичные схемы «первоначальных», во «внешнем» и «внутреннем» мирах соответственно, которые характеризуются о. Павлом как «просвечивающие наиболее явно соответственными категориями <...>, но не их одних в себе показывающие»¹⁷.

Конкретной категории ЧИСЛА, которая раскрывается как синтез антиномии КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА, соответствует конкретное явление ВЕЩИ, раскрывающейся как синтез антиномии ПРОСТРАНСТВА и ВРЕМЕНИ. Конкретной категории ИМЕНИ, которая есть синтез антиномии УСИИ и ИПОСТАСИ, отвечает конкретное явление ЛИЧНОСТИ, как синтеза антиномии СТИХИЙНОСТИ и ДОЛГА.

Почему Флоренский избирает именно такие соответствия? В «Именах» разъяснения довольно скупы (и мы обратимся к ним позже), но текст «Дедушка семи таинств» (1919) многое в этой схеме объясняет. Первое, что бросается в глаза в названном тексте – это наличие здесь еще двух реализаций той же основной схемы из семи ячеек. Одна из них представляет собой структуру таинств, другая – основные жизненные функции человека, стороны его бытия.

Вот как они выглядят:

Три приведенные схемы (метафизических начал, строения человека и системы таинств) построены в полном соответствии друг с другом, и это для о. Павла не случайно. Таинства освящают все стороны жизни человека: «таинства своей совокупностью выражают строение человека. Схема семи таинств

¹⁷ Флоренский П.А. Имена // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 222. О полярности «внешнего» и «внутреннего» см. прим. 13, о метафоре «просвечивания» у Плотина – в прим. 14.

есть схема жизнедеятельности самого человека, таблица соотношения его первичных сил и первичных деятельностей». Поэтому Флоренский убежден, что «тайнств семь и должно быть семь, — не более и не менее». Но здесь же делаются соответствующие оговорки, *запрещающие* понимать приведенную схему тайнств слишком жестко и линейно. Флоренский говорит о «взаимных отражениях друг в друге тайнств», «причем часто одно таинство называется именем другого, но с некоторым ограничением». «Говоря глубже, — продолжает о. Павел, — всякое таинство, с той или другой точки зрения, по той или другой схеме их взаимной связи, может рассматриваться как *первое*: они образуют венки, в котором *все связано со всем*, и только с *известной* точки зрения часть связи оставляется без внимания, чтобы тем определеннее выступил ритм и узор прочих. Повторяю, эти ритмы, эти узоры могут быть многообразны: в данном случае, пред нами схемою нашу представлен тот ритм, который определяется антропологическим подходением к основной идее религии — к идее спасения, понимаемой в разрезе антропологическом как равновесие человеческой личности». Хотя в основной схеме, как настаивает Флоренский, ровно семь тайнств, у него же читаем: «Но тут возникает вопрос: не может ли быть продолжен наш процесс замены каждого из входящих терминов в нашей схеме новым терменом из полярно сопряженных деятельностей и их объединения? — Несомненно, да; несомненно, что в *каждом* из полюсов всегда можно усмотреть и новую полярность. В этом смысле можно было бы усмотреть и полярность первичных функций человека, нами отмеченных, а затем, следовательно, и внутреннюю полярность каждого из тайнств. <...> но тогда мы выйдем из пределов морфологии культа и перейдем в ту область, которую можно было бы назвать его гистологией. Что таковая возможна и даже необходима — видно прежде всего из длительности совершения самого таинства: совершение это есть процесс, и притом сложный процесс, а не мгновенное, не имеющее внутренней структуры, действие»¹⁸.

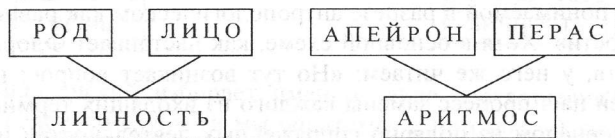
Итак, структура тайнств определяется у о. Павла «антропологическим подходением». По той же причине и система метафизических начал воспроизводит рассматриваемую нами структуру. Здесь работает идея соответствия Макрокосма и Микрокосма. Флоренский пишет: «человек и мир могут почитаться взаимно отражающими друг друга; между человеком и средою есть действительное подобие, часть части, сторона стороне, разрез разрезу». Он утверждает: «Обширная церковная традиция ведет эту мысль об аналогии и взаимоотнображении мира и человека на протяжении столетий»¹⁹. Тем самым, ключом к пониманию системы семи метафизических начал служит у Флоренского человек. Он прямо пишет: конкретная метафизика «есть философская антропология в духе *Гете*»²⁰.

¹⁸ Флоренский П.А. Дедукия семи тайнств (1919) // Философия культа. М., 2004. С. 184–186. См. также прим. 14.

¹⁹ Флоренский П.А. Макрокосм и микрокосм (1917-1922?) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 441, 446. Обратим внимание: снова «зеркала»!

²⁰ Флоренский П.А. Пути и средоточия // Собр. соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 36.

Более подробный разбор основных категорий удобно начать с пары УСИЯ – ИПОСТАСЬ (соответственно: СТИХИЙНОСТЬ – ДОЛГ). Человеческая личность описывается о. Павлом как синтез и равновесие «дионисического (лучше – титанического)» и «аполлинийского» начал²¹. Первое – это стихийное начало человека, «слепая, напиральная мощь, не знающая никакого удержанья». Оно не имеет в себе смысла, безлико, это «чистая мощь», «рождающая бездна», «слепой напор». Это – родовое начало, род (γένος), проявление бытийственного начала – усии (ουσία). Это «стихия ночи», только через усию мы «приникаем к корням бытия». Этому началу противостоит долг, норма, «ограда закона». В человеке – это лицо (υπόστασις), т.е. ипостасный смысл, разум, ум, то что полагает меру, «ибо деятельность лица – именно в мерности, в ограниченности и в наложении определений и границ». Это начало связывания и ограничения. Если в Боге эти начала находятся в полной гармонии, то в человеке – нет²².

Такое понимание полярных начал близко к универсальным началам беспредельного (апейрон) и предела (перас) у пифагорейца Филолая, особенно в интерпретации А.Ф. Лосева²³. Синтезом их в этой интерпретации предстает ЧИСЛО (аритмос). Интерпретация Лосева, трактующего пифагорейский «аритмос» как *число-структуру*, принцип гармонии и «душу» вещи очень близка к пониманию числа, которое Флоренский развивает в работе «Число как форма» (1922). Число характеризуется здесь не только своей *материей*, количеством единиц, но и *формой*, способом их упорядочивания и организации в единое целое²⁴. В «Именах» КОЛИЧЕСТВО названо «материальной стороной числа», а КАЧЕСТВО – «формальной»²⁵. В таком контексте тернер КОЛИЧЕСТВО – КАЧЕСТВО – ЧИСЛО становится вполне понятным и естественным.

Первоначальное явление категории ЧИСЛА – это ВЕЩЬ. Подобно тому, как «внутренний мир складывается из стихийности и нормы (долга), и есть стихийность-долг», «внешний мир есть объединение пространства и времени, а вещь –

²¹ Скорее всего, не без импульса приданного «Рождением трагедии» Ницше. См. о Дионисе и Аполлоне в прим. 15. Этой темой очень интересовался Вячеслав Иванов. См.: Иванов В. Дионис и праднионисийство (1923). СПб., 1994. Здесь также есть рассуждение о «метафизической природе и взаимоотношении Аполлона и Диониса» (согласно неоплатоникам). В связи с темой взаимных отражений интересно упоминание о том, что «Аполлоново начало в дионисийском мире разделения мыслится имманентным Дионису» (с. 166–167). О взаимоотношениях Иванова и Флоренского см.: Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999.

²² Флоренский П.А. Таинства и обряды (1918) // Философия культа. М., 2004. С. 132–136. При описании «титанического» начала цитируются стихи В.Иванова.

²³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. <Т.1> Ранняя классика. М., 1994. С. 242–250.

²⁴ Флоренский П.А. Пифагоровы числа (1922) // Соч. в 4-х томах. М., 1996. Т. 2. С. 632–646.

²⁵ Флоренский П.А. Имена // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 221–222.

место особой кривизны времени-пространства»²⁶. Но возникает вопрос: почему первоявлением категории КОЛИЧЕСТВА будет ПРОСТРАНСТВО, категории же КАЧЕСТВА – ВРЕМЯ, а не наоборот? В «Именах» о. Павел ограничивается указанием на этимологическое соответствие ПРОСТРАНСТВА – СТИХИЙНОСТИ, а ВРЕМЕНИ – ДОЛГУ: «По знаменательной словесной параллели, стихийность, как *простор* самопроявления, этимологически есть то же, что и *пространство*, тогда как *долг*, т.е. пребывающее в потоке событий, этимологически означает *долготу* или *время*. Следовательно, та и другая пара осново-начал вполне соответствуют друг другу»²⁷.

Более глубоко мы можем проникнуть в природу этого соответствия, вспомнив, что мир для о. Павла человекоразмерен, поэтому время для него это, в первую очередь, *историческое (биографическое) время, время рода*. В курсе лекций «Об историческом познании» (1916) Флоренский вообще связывает появление представления о времени с *преемством поколений* – переходом от отца к сыну и от сына – к внуку. «*Род* (отец, сын), – пишет он, – есть *время*, осуществленное чрез последовательность трех поколений»²⁸. *Жена* есть *пространство*. Это совершенно наглядно на генеалогической схеме. Здесь два типа связей – «родство» (корень – сыновство) – диахроническая связь («последование») и «свойство» (корень – женитьба) – синхроническая связь («сосуществование»). Первый тип связей образует историческое *время*, второй – историческое *пространство*. Последний тип связей о. Павел комментирует следующим образом: «три измерения пространства не должно ли рассматривать как возможность чрез жену *трояко* перейти в не свой род – но в сторону предков (*рода*) жены, в сторону матери жены, в сторону братьев (брата) жены». «Сеть свойства и родства, – пишет он, – образует ту основу, на которой располагаются прочие временно-пространственные отношения явлений. Координатными же осями служат *отчество* и *брак*. Повторяю, они не сводимы друг на друга. *Отчество* и *брак* наиболее глубокие основы для идеи времени и пространства, т.е. для всего познания. Все виды отношений произведены *около* этих и мыслятся по подобию *этим*. Всякое отношение мыслится либо как род родительства-сыновства, либо как род брака. Одно связано с идеей последования, другое – сосуществования. Одно – с *действием*, а другое – с *взаимодействием*. Категории причинности и взаимодействия, как доказано Кантом, связаны со схемами временной последовательности и сосущ<ествования>». *Пространство*, как видим, оказывается *женским*, а следовательно, *материальным* началом, а *время* – *мужским*, а значит – *формальным*. «Обратите внимание, – читаем у о. Павла, – что во всех филос<офских> учениях *пространство* понимается как женское, женственное начало, как *αἰετός διὰς*, как бесформенное начало, как женская *зачинающая*, восприимлющая утроба. При-

²⁶ Там же. С. 222. Ср. также, в связи с темой «кривизны», конец прим. 13.

²⁷ Там же. С. 222.

²⁸ В письме сыну Василию с Соловков от 1-5 янв. 1936 г. Флоренский пишет о «естественной диалектике рода», в которой «внуки оказываются синтезом отцов и сыновей». «Три времени (наст<оящее>, прошедшее и будущее) соответствуют *трем* сосуществующим поколениям» (Соч. в 4-х томах. М., 1998. Т. 4. С. 358).

помните, что мы говорили о *μὴ ὄν*, о возможности (о потенции, о δύναμις), которое оказалось пространством. Женское начало и есть потенция порождений *времени, рода*. Женщина – не род, но потенция рода, пространство, в котором развивается род. Мы тут соприкасаемся с учением об онтологическом месте, как женственной возможности всякой реальности, о существовании в Боге мистического пространства – места (*маком* Каббалы), о *Софии* – том Начале, в Котором Бог сотворил небо и землю»²⁹.

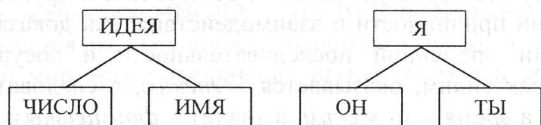
Теперь приглядимся к первым *трем* категориям из *семи* основных. Они образуют тернер ЧИСЛО – ИМЯ – ИДЕЯ.

Самая высшая категория – это ИДЕЯ, она же – ФОРМА или ТИП. Это *инвариант* в потоке изменений, одновременно и трансцендентный и имманентный чувственно воспринимаемому³⁰. ИДЕЯ, пишет о. Павел, «источник и бытия и познания», по Платону. В ней – ключ к пониманию, почему познание и бытие не расходятся между собою, коль скоро каждое из них пребывает верным себе самому».

Категория ИДЕИ раскрывается в антиномии полярных категорий ЧИСЛА и ИМЕНИ (первоначальных: ВЕЩИ и ЛИЧНОСТИ). Флоренский поясняет это так: «имя – инвариант личностный, а число – вещный. Оба инварианта коренятся в форме, которая есть одновременно и вещь, и личность, или точнее – начало и вещи и личности; <...> Число космологически есть то же, что *идея* онтологически, а *имя* отражает идею пневматологически».

ИДЕЯ находится вне и до разделения на бытие и познание, объект и субъект, внешнее и внутреннее, вещь и личность, мир и дух. Именно ИДЕЯ «нумерически тождественная в них обоих, держит их равнение между собою». В мире-космосе ИДЕЯ *являет* себя как ЧИСЛО, в духовной области – как ИМЯ. ИМЯ и ЧИСЛО, соответственно – ВЕЩЬ и ЛИЧНОСТЬ, – неразделимы, поскольку вырастают на *одном* онтологическом корне, по разному являя *одну и ту же* реальность³¹.

Дополнительное прояснение взаимоотношения трех высших категорий достигается у Флоренского через сопоставление двух схем (вновь явно подчеркивающее антропологический контекст):

Флоренский пишет: «Я трансцендентно, сокрыто не только от других, но и от себя самого в собственной своей глубине. Является же оно или являет себя – как ТЫ и как ОН. Как ТЫ оно являет себя *лицом*, а как ОН – *вещью*. Через имя свое Я обнаруживает себя как ТЫ, а потому сознает себя; через число Я стано-

²⁹ Флоренский П.А. Об историческом познании (1916) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 54–55.

³⁰ Флоренский П.А. Смысл идеализма (метафизика рода и лика) (1915) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 122–123, 135.

³¹ Флоренский П.А. Имена // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 221.

вится ОН, и потому оценивает себя. Духовное строение сказуется о подлежащем Я – именем, а реальность Я высказывается его числом»³².

ИДЕЯ раскрывает себя, по Флоренскому, как ЧИСЛО и как ИМЯ, и, следовательно, *платонизм* предстает, как *пифагореизм*, с одной стороны, и как *имяславие* – с другой.

Обратимся, наконец, к разъяснению преломления этой семи-ячеечной схемы в области жизнедеятельности человека. Исходный тернер здесь выглядит как ТЕЛО – РЕЧЬ – ПОЛ. Усия в человеке, «стихийная, родовая под-основа», есть «центростремительное» начало, утверждающее человека как «самостоятельный центр», как *индивида*. Это – тезис. Ипостась в человеке, напротив, «начало общее, над-индивидуальное», это «центробежное» начало, «она есть начало самоотречения индивида, прорыв его уединенности, выход из его обособленности». Это «антитезис индивида, утверждающий мир и общество, как действительные условия бытия индивида». По Флоренскому, именно *тело* человека «есть символ, точка приложения, явление его усии». «Телом он, по закону непроницаемости, исключает из сферы своего бытия всякое другое тело, противопоставляясь другим индивидам – противопоставляясь обществу». Аналогично явлением ипостаси в человеке будет *речь*: «собираение достигается через выходение индивида из себя и вхождение его в другой – чрез *понимание*. Оно является в слове, *словом*, чрез слово. *Речь* есть тот процесс, которым заявляет себя ипостась. *Речью* или посредством речи делается общество. <...> Тело дает бытийственность, речь – осмысленность; телом утверждается индивид, речью же утверждается общество». Что представляет собой синтез? «Этот синтетический процесс, – пишет о. Павел, – есть, следовательно, принципиальное утверждение общества, изнутри объединенного, и индивида, нового индивида, внутри себя имеющего общественность, т.е., следовательно, этот синтетический процесс образует молекулу общества, которая сама индивидуальна и в которой индивиды, взаимно отражаясь друг в друге, только усиливают друг друга, только укрепляются друг другом. <...> Эта синтетическая сторона в бытии человека, сторона усийно-ипостасная, есть *пол*, а процесс, синтетический процесс, из него вытекающий, есть *брак*, супружество, т.е. сопряжение двух воедино и выходение каждого из себя к другому, – *семья*». Далее исходный тернер отражается в тезисе и антитезисе. Вот как это описано у о. Павла: «Тетический процесс тела есть *питание*, голое утверждение тела, как такового; антитетический же процесс тела есть *выделение*, освобождение тела от всего того, что *не* есть тело, *очищение*; синтез же их, т.е. *самый* процесс телесной жизни, зиждет жизненные энергии, окружающие, окутывающие, оберегающие тело, в частности – *теплоту*, являющую жизнь и окружающую организм. Так – в области телесной жизни. В области же словесной жизни тетино – *слушание* слова, принятие в себя чужого слова и антитетично – *говорение* слова, выделение слова из себя, освобождение души от бремени требующего выхода слова. Синтетично же, в области жизни словесной, равновесие того и другого, слова приемлемого и слова высказываемого, т.е. определенное словесное *место* в обществе, с определенным говорением и оп-

³² Флоренский П.А. Имена // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 223.

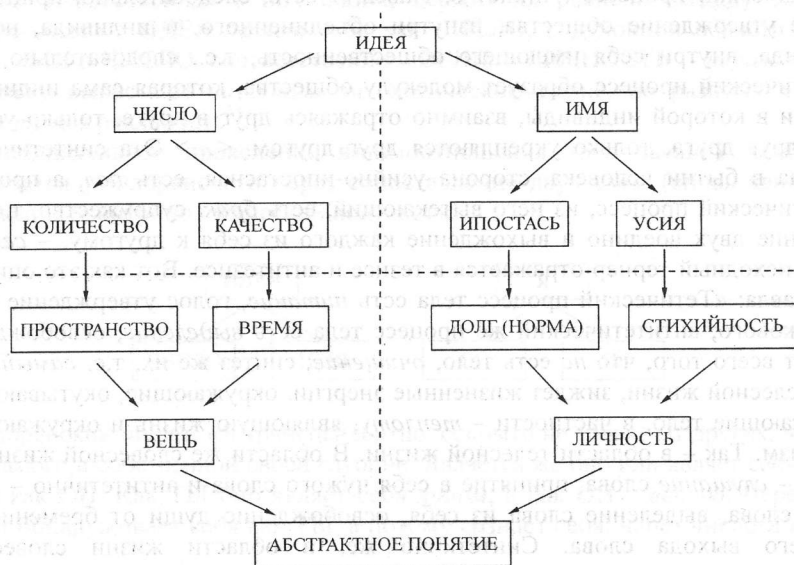
ределенным слушанием или, иначе говоря, регулятор словесного, взаимно-понимательного равновесия в обществе. Это есть *власть* в обществе, как узел, в который входят и из которого выходят слова – токи взаимного понимания членов общества»³³.

3. Числа-формы и сети

Чтобы лучше понять место ЧИСЛА в системе категорий конкретной метафизики необходимо разобраться с тем, как понимается о. Павлом соотношение категорий вообще. Выше мы уже видели, что категории *отражаются* друг в друге. Но это не единственный способ охарактеризовать их отношение, используемый Флоренским.

В работе «Имена», по поводу системы основных метафизических начал как целого, он пишет: «это не отвлеченные начала, беднеющие конкретностью по мере иерархического восхождения; напротив, они делаются абстрактнее чрез нисхождение по этой лестнице. Если бы дедукцию этих универсалий продолжать далее и далее, то мы приходили бы к универсалиям все менее конкретным и вместе – все более частным: это – как кровеносная система артерий, беднеющая кислородом по мере своего разветвления. А далее она снова начинает сходитьсь, образуя стволы все более толстые, чтобы снова собраться к единству. Но это уже венозная система, абстрактные понятия, область отрицательной философии»³⁴.

Суммируя содержание § XVII «Имен» можно изобразить это в виде следующей несколько условной схемы:

³³ Флоренский П.А. Дедукция семи таинств (1919) // Философия культа. М., 2004. С. 179–182.

³⁴ Флоренский П.А. Имена // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 222.

Пунктирные линии этой схемы — это «оси симметрии». Горизонтальная ось симметрии отделяет область «конкретной метафизики» («верх») и область «отрицательной философии»³⁵ («низ»). Вертикальная — область объекта или внешнего мира («слева») от области субъекта или мира внутреннего («справа»). В целом перед нами, как говорит о. Павел, «организм форм». Как видим, Флоренский сравнивает свою систему категорий с *живым существом, организмом*, отдельные категории-органы которого связаны кровеносной системой. Верхняя половина — сеть артерий, нижняя — вен³⁶.

Для представления взаимоотношения конкретных категорий (абстрактные — их зеркальное отражение) характерен не только *животный образ* — образ кровеносной системы, но и *растительный* — образ *дерева*. Эти категории *вырастают* друг из друга, *прорастают* друг через друга, будучи связанными в единый живой организм (ср. образ мирового древа или каббалистического древа сефирот). Еще один важнейший при описании их взаимоотношения образ — это *просвечивание*. Категории взаимно просвечивают, *видны* друг через друга³⁷.

Вряд ли мы сильно ошибемся, если сочтем возможным повторить о соотношении основных метафизических начал то, что о. Павел говорит о соотношении таинств: «всякое таинство <...> может рассматриваться как *первое*: они образуют венок, в котором *все связано со всем*»³⁸. Так и ЧИСЛО может быть взято в качестве точки отсчета, и тогда мы можем увидеть, что все с ним связано, оно во всем отражается, сквозь все прорастает и просвечивает. Но верно и обратное: в самом ЧИСЛЕ прорастает и просвечивает остальное, в нем все отражается. Как *такой* ход мысли представлен в текстах Флоренского мы и попытаемся теперь выяснить.

Живые числа и ангелы

ЧИСЛО и ИМЯ взаимно просвечивают друг через друга, соответственно взаимно просвечивают ВЕЩЬ и ЛИЧНОСТЬ. Это подтверждают рассуждения Флоренского о телесности. Ведь тело (в первую очередь речь идет о теле человека) — есть символ духа, тело — «как бы духовное состояние наблюдаемое извне»³⁹. При этом — весь мир изначально являлся телом первого человека и лишь вследствие грехопадения вышел из под его контроля⁴⁰.

Для о. Павла через всякую телесность просвечивает духовное начало и вся она *жива*. В «Общечеловеческих корнях идеализма» (1908) Флоренский пи-

³⁵ Термин восходит к Шеллингу. Подробнее см. в прим. 68.

³⁶ Вспомним, что уже в «Тимее» (37d) Платона «образец являет собой вечно живое существо» (Собр. соч. в 4-х томах. М., 1994. Т. 3. С. 439).

³⁷ Образами «прорастания» и «просвечивания» буквально пронизан текст «Смысл идеализма» (1915), специально посвященный пониманию ИДЕИ. См.: Флоренский П.А. Смысл идеализма (метафизика рода и лика) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 68–144. См. также прим. 14.

³⁸ Флоренский П.А. Дедукия семи таинств (1919) // Философия культа. М., 2004. С. 184. Выше соответствующая цитата уже была приведена полностью.

³⁹ Флоренский П.А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания (1921) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 412.

⁴⁰ Флоренский П.А. Органопроекция (1917) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 403. Со ссылкой на М.М. Сперанского.

шет: «Вся природа одушевлена, вся – жива, – в целом и в частях. Все связано тайными узами между собою, все дышит вместе друг с другом. Враждебные и благотворные воздействия идут со всех сторон. Ничто не бездейственно: но, однако, все действия и взаимодействия вещей-существ-душ имеют в основе род телепатии, изнутри-действующее, симпатическое сродство. Энергии вещей втекают в другие вещи, и каждая живет во всех, и все – в каждой»⁴¹. Приведенные слова, правда, сказаны о. Павлом о народном мировосприятии, но из контекста видно, что именно такого восприятия чаает он сам.

Верно и обратное: всякое движение духа находит соответствующее ему воплощение. «Всю свою жизнь, – писал о. Павел в воспоминаниях, – я думал, в сущности, об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это – вопрос о символе. <...> Никогда я не собирался созерцать это духовное единство *вне и независимо* от его явления. Кантовская разобщенность ноуменов и феноменов, <...> отвергалась всегда всем моим существом. <...> И я всегда был символизмом. Покровами вещества не сокрывались в моем сознании, а раскрывались духовные сущности; а без этих покровов духовные сущности были бы незримы, не по слабости человеческого зрения, а потому, что нечего там зреть»⁴².

Не удивительно, что и то ЧИСЛО, о котором говорит Флоренский, есть *число живое и в определенном смысле даже личностное*, а, кроме того, *число явленное*. ИДЕИ сближаются о. Павлом с АНГЕЛАМИ⁴³. ИДЕИ, они же АНГЕЛЫ, – живые и сверхличные, являются нам как ИМЕНА и как ЧИСЛА⁴⁴.

Математические объекты как что-то *живое* у Флоренского – заметная мысль воспоминаний о нем А.Ф. Лосева. Так в них, например, читаем: «Там,

⁴¹ Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма (философия народов) (1908) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т.3(2). С.151. Ср. трактовку принципа Анаксагора «все во всем» в контексте теории множеств у А.Ф.Лосева: История античной эстетики. <Т.1:> Ранняя классика. М., 1994. С. 294–297. Ср. также прим. 14.

⁴² Флоренский П.А. Детям моим (1916–1925). М., 1992. С. 153–154.

⁴³ В записи бесед с о. Павлом Н.Я. Симонович-Ефимовой прямо говорится, что «Ангел Хранитель – это имя» (Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 356). Об этом же в «Мнимостях в геометрии» (1922), где перечисляются как тождественные: идеи Платона, чистые формы Аристотеля и «воинство небесное, – созерцаемое с Земли как звезды, но земным свойствам чуждое» (Флоренский П.А. Мнимости в геометрии (1922). М., 1991. С. 50. О связи *идей со звездами* см.: Флоренский П.А. Смысл идеализма (метафизика рода и лика) (1915) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 136–141). (Параллель звезды – числа – идеи восходит непосредственно к Платону – см. «Тимей» (41d; 47a-e) и «Послезаконие»). В «Иконостасе» (1922): Иконостас как «граница между миром видимым и миром невидимым» есть «явление святых и ангелов», и эти «святые твари» названы «идеи, живые идеи мира невидимого» (Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994. С. 60–62). Об «идеях-ангелах Филона и гностиков» упоминается в работе «Смысл идеализма» (Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 144).

⁴⁴ Неожиданно обнаруживается *связь ангелологии и математики!* Отзвук этой мысли находим и у Вл.Лосского в «Догматическом богословии»: «...единство ангельского мира совершенно отлично от нашего единства. Можно говорить о «роде человеческом», то есть о бесчисленных личностях, обладающих одной и той же природой. Но у ангелов, которые тоже существа личные, нет единства природы. Каждый из них – отдельная природа, отдельный умопостигаемый мир. Следовательно, их единство не органическое и его можно было бы назвать по аналогии – единством абстрактным; это единство города, хора, войска, единство служения, единство хвалы, одним словом – единство гармоническое. Так можно было бы установить удивительное сближение между музыкой и математикой с одной стороны и ангельскими мирами – с другой» (Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 252).

как раз в иконе, дается то общее, что по сути своей математично, но на самом деле в изображаемом дается в виде живого существа»⁴⁵.

ЧИСЛО и ИМЯ образуют антиномию. «Тезис и антитезис антиномии, – писал Флоренский, – будучи сопряжены друг с другом, взаимно пронизываются друг другом и взаимно друг друга являются»⁴⁶. Поэтому в ЧИСЛЕ мы способны обнаруживать ИМЯ, а в ИМЕНИ – ЧИСЛО.

«Пифагоровы числа»

Итак, ЧИСЛО предстает у Флоренского как ИДЕЯ, оказываясь при этом не просто нашим привычным натуральным числом, а *живым числом-формой* и даже *ангелом*.

В 1923 году Флоренский планировал выпустить книгу «Число как форма» (издание не состоялось), так же как к «Мнимостям в геометрии» (1922), к ней была нарисована обложка В.А. Фаворским. В написанном для этой книги программном введении «Пифагоровы числа» (1922) о. Павел говорит: «Совершенно незаметно для себя наука возвращается к пифагорейскому представлению о выразимости всего целым числом и, следовательно, – о существенной характеристике для всего – свойственного ему числа»⁴⁷.

Тем не менее, продолжает о. Павел, нет ясности с самим *понятием о числе*. Число не есть просто набор единиц, для нас важна его *целостность*, его *индивидуальная форма*. «Число есть некоторый прототип, идеальная схема, первичная категория мышления и бытия. Оно есть некоторый умный первоорганизм, качественно отличный от других таких же организмов – чисел». Важнейшее продвижение в сторону такого понимания числа Флоренский видит в учении Г.Кантора о «типах порядка» (= идеальных числах), которые, как и натуральные числа, понимаются как абстракции, возникающие в результате отвлечения от природы элементов множества. *Тип порядка* – это «некоторое единое органическое целое, состоящее из различных единиц, сохраняющих между собой – в одном или нескольких отношениях – определенный взаимный порядок». Это *материал* – абстрактные единицы, подчиненный некоторой *форме* (устанавливающей определенный порядок между ними). Резюме Флоренского о теории порядковых типов Кантора такое: «Если бы теория кратно-протяженных типов порядка была достаточно разработана, то одним числом выражалось бы сложнейшее строение объектов природы, и познанию действительности, как царству форм, было бы выковано могущественное орудие»⁴⁸.

⁴⁵ П.А.Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева // П.А.Флоренский: pro et contra. СПб., 1996. С. 181.

⁴⁶ Флоренский П.А. Homo Faber // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 375.

⁴⁷ Флоренский П.А. Пифагоровы числа // Соч. в 4-х томах. М., 1996. Т. 2. С. 635.

⁴⁸ Там же. С. 637–639. Выше мы говорили, о том, что платонизм предстает у Флоренского, с одной стороны, – как *пифагореизм*, с другой, – как *имяславие*, а также, что ЧИСЛО и ИМЯ «просвечивают» друг через друга. Теорию множеств Кантора Флоренский воспринимает как возрождение на современном уровне пифагорейского понимания ЧИСЛА. Примечательно в этой связи, что А.Ф.Лосев, разрабатывая проблематику имяславия, пришел к необходимости углубляясь в проблему ИМЕНИ, обратиться к теоретико-множественной проблематике, т.е. к ЧИСЛУ по Флоренскому. Речь идет о том, что Лосев называет «научно-аналитическим уровнем (или слоем)» имяславия. См. материалы,

Флоренский говорит в этой работе о *структурности* числа. Простейшая форма структурирования числа – запись его по системе счисления с тем или иным основанием. Флоренский называет это «изображением числа». Если число понимается как имеющее форму, то *не все равно* по какой системе его изображать. Какая-то система может быть естественна, какая-то – нет. Если у нас достаточно богатый выбор оснований, в том числе и переменных, то это «позволяет самими числами выразить внутренний ритм и строй обсуждаемого явления». «Если бы счет действительно производился *правильно*, т.е. *без* искажения структуры считаемого, а значит – по свойственной данному явлению системе счисления, то тогда числом действительно выражалась бы *суть* явления, – прямо по Пифагору. Отсюда понятна глубочайшая необходимость изучать числа, – конкретные, изображенные числа, – как индивидуальности, как первоорганизмы, схемы и первообразы всего устроенного и организованного»⁴⁹.

Другой вопрос, который интересует о. Павла, – это вопрос об *инвариантах* при изменении основания системы счисления. В работе «Число как форма» Флоренский исследует два простейших алгоритма, которые уже применялись исторически, но без обоснования, а порой и неосознанно – *приведение чисел и повышение чисел*⁵⁰. Это, говорит о. Павел, простейшие из приемов «улавливающих внутренний ритм числа, его пифагорейскую музыку»⁵¹.

Итак, математика предстает в этих рассуждениях Флоренского как наука о ЧИСЛЕ, а число-форма как универсальный предмет математики.

Теория сетей

В «Пифагоровых числах» о. Павел жалуется, что круг вопросов, связанных с числом как формой, имеющих первостепенное значение для натурфилософии ближайшего будущего и техники, до настоящего времени оставался исключительно предметом *математических забав*: «за ними никогда не было признаваемо значения большего, нежели – интеллектуальных игрушек. Решаются же эти задачи не методически, случайными уловками из других дисциплин»⁵².

Другая важная для нашей темы работа о. Павла также возникла из разбора таких интеллектуальных игрушек, собранных в книге Э.Люка «Математические развлечения». Имеется в виду рукописная работа Флоренского 1902 г. «Заметки по теории сетей». Она имеет подзаголовок: «Опыт изучения главы из геометрии положения», т.е. рассматривается автором как часть *Analysis situs, топологии*.

собранные в книге: Лосев А.Ф. Имя. СПб., 1997. Например, с.16 и 20, а также ст.: Троицкий В.П. Теория множеств как «научно-аналитический слой» имяславия (там же, с. 537–550).

⁴⁹ Флоренский П.А. Пифагоровы числа // Соч. в 4-х томах. М., 1996. Т. 2. С. 641–643. Обратим внимание на преемственность между этими мыслями о. Павла и трактовкой пифагорейского понимания числа у А.Ф. Лосева (особенно в т.1–2 «Истории античной эстетики»). Речь идет об интерпретации греческого «архитос» как «структуры».

⁵⁰ Текст «Приведение чисел» был написан еще в 1906 г. и опубликован в 1916 г. Разыскать текст «Повышения чисел» пока не удается. Ниже мы будем специально говорить о механизме приведения чисел в разделе «Микроскоп для чисел».

⁵¹ Флоренский П.А. Пифагоровы числа // Соч. в 4-х томах. М., 1996. Т. 2. С. 645.

⁵² Там же. С. 644.

Интерес к топологии объясняется в предисловии к рукописи тем, что это — *самая общая наука о пространстве*, как о чистой *внеположности элементов*: «Изучая положение элементов пространства друг относительно друга, геометрия положения исследует только слияние или внеположность элементов; более частные определения пространства она отклоняет от себя; поэтому у такой науки о понятии пространства возникает величайшая общность».

Здесь же, в предисловии, явно указывается на связь *топологии* с *аритмологией*, т.е. с уяснением *внутренней структуры числа*: «Вследствие того, что эта геометрия изучает *порядок*, конфигурацию геометрических образов, напр. точек, устанавливается связь с чистой арифметикой, аритмологией, изучающей числа, как порядковые, т.е. расположенные в известном определенном порядке символы отмечаемых ими моментов времени. Создаются на почве такого родства красивые иллюстрации к теории чисел; геометрические образы уясняют *внутреннюю структуру* числа, и мы до известной степени реабилитируем идеи пифагорейцев. Нужно думать, что такая иллюстрация теории чисел может помочь изучению таинственных и непонятных свойств чисел и, нужно надеяться, результаты, добытые теорией чисел, применятся к изучению структурных вопросов молекулярной физики и химии, поскольку они тоже связаны с порядком в группировке».

Обсуждаемая работа Флоренского названа «Заметки по теории сетей». Что о. Павел называет «сетями»? Определение гласит: «Всякую конфигурацию прямых или кривых линий вместе с точками их пересечения мы будем называть сетью, а иногда решеткой или фигурой». Сети могут быть ограниченными и неограниченными, ограниченные — однообластными или многообластными, однообластные — одноштриховыми или многоштриховыми. Одноштриховые фигуры вычерчиваются непрерывным движением пера. Частные случаи сетей — лабиринты и многоугольники со своими диагоналями. Частный случай задачи о сетях — знаменитая задача Эйлера о кенигсбергских мостах, или, по аналогии рассмотренная Флоренским задача о московских мостах. Является ли многоугольник с диагоналями одноштриховой фигурой? Теорема 8 рукописи отвечает: Если он нечетно-угольник, то — одноштриховая, если $2n$ -угольник, то — n -штриховая.

Рукопись снабжена большим числом аккуратнейшим образом выполненных чертежей, в том числе множеством многоугольников с диагоналями. В письме В.Ф. Эрну от 13 января 1903 г. (рукопись о сетях датирована декабрем 1902 г.!) Флоренский пишет: «Сейчас я сижу за математической *забавой* — черчением фигур одним почерком, не снимая пера, и составляю ряд теорем. Это и позволяет отдохнуть и важно во многих отношениях; а особенно приятно сидеть часами и выдумывать замысловатые узоры в виде примеров».

«Микроскоп для чисел»

Последняя, тринадцатая, теорема рукописи о сетях связывает сети с *теорией сравнений*, т.е. устанавливает обещанный в предисловии мостик от топологии к теории чисел. Идея здесь очень простая: m -угольник иллюстрирует теорию сравнений по модулю m .

Эта идея в рассмотренной рукописи 1902 г. не развита, но получает интересное продолжение в уже упомянутой выше статье «Приведение чисел» (1906, издана – 1916)⁵³.

Под «приведением» чисел о. Павел понимает т.н. «теософскую (каббалистическую) редукцию», т.е. замену числа суммой его цифр. Например: $1906 \rightarrow 1+9+0+6=16 \rightarrow 1+6=7$. В результате такого процесса любое натуральное число (в десятичной системе счисления) сводится к одному из первых девяти натуральных чисел.

В общем виде, если в α -ичной системе счисления редукционный процесс составил n шагов: $A \rightarrow R^{(1)} \rightarrow R^{(2)} \rightarrow \dots \rightarrow R^{(n)}$, то имеет место теорема, утверждающая, что:

$$A \equiv R^{(1)} \equiv R^{(2)} \equiv \dots \equiv R^{(n)} \pmod{(\alpha - 1)}$$

Например, $1906 \equiv 16 \equiv 7 \pmod{9}$. Это свойство геометрически легко представимо, если изображать числа хорошо известным способом: как точки на окружности, которых (для десятичной системы) берется всего девять (для красоты равномерно распределим их по окружности). Если мы будем представлять процесс счета как постепенный переход от точки к точке в одном и том же направлении (например, по часовой стрелке), то равенству чисел по модулю 9 будет соответствовать изображение соответствующих чисел одною и тою же точкою окружности.

Далее, Флоренский задается вопросом о свойствах чисел *инвариантных* при редукционном процессе. Примером такого свойства является разделение всех натуральных чисел на *полные* и *неполные* по следующему признаку. Рассмотрим для произвольного натурального числа A арифметическую прогрессию, для которой это число служит одновременно и первым членом и разностью. Отмечая на «изобразительной окружности» последовательные члены этой прогрессии, мы очевидно получим последовательность периодическую с периодом, не превосходящим 9. Если период этот *в точности* равен 9, т.е. наша последовательность обойдет все точки окружности, то порождающее такую последовательность число будем называть «полным», если же этот период *меньше* 9, то – «неполным». Легко показать, что свойство быть полным числом действительно инвариантно при редукционном процессе, поскольку редукция суммы есть сумма редукций. Далее, Флоренский доказывает еще одну теорему, утверждающую, что необходимым и достаточным условием полноты числа A является его взаимная простота с числом $\alpha-1$. Например, число 4 (равно как и любое к нему редуцируемое) – полное, а число 3 – нет.

Последовательность для $A = 4$ такая: 4, 8, 3, 7, 2, 6, 1, 5, 9, 4, 8, ... , здесь период $N = 9$. Для $A = 3$ такая: 3, 6, 9, 3, 6, 9, 3, ... , здесь $N = 3$. Соединяя последовательно точки, изображающие члены последовательности на окружности отрезками, мы будем получать для каждого числа в данной системе счисления правильный N -угольник (звездчатый или выпуклый). Число полное, пишет Флоренский, «раскрывает свои свойства в полно-лепестковом много-

⁵³ Флоренский П.А. Приведение чисел (К математическому обоснованию числовой символики). Сергиев Посад, 1916. Оттиск из «Богословского Вестника». Июнь. 1916 г.

угольнике», а число неполное – в многоугольнике «с неполным числом лепестков».

«Таким образом, – продолжает он, – число изображается не только точкою, но и многоугольником. Представление числа многоугольником позволяет узнать внутреннюю природу его, так сказать, кладет число под микроскоп. Точка-буто́н раскрывает в многоугольнике-цветке свои потенции, и то, что ранее, в точке, было доступно одному только умозрению, тут делается интуитивно-очевидным; то, что было в своей реальности предметом убеждения, делается опытно-проверяемым»⁵⁴.

Всегда ли число «раскроется» таким способом? Нет, если $A \equiv \alpha - 1 \pmod{(\alpha - 1)}$, то не раскроется. Но изменяя α , увеличивая «номер объектива», всегда можно добиться раскрытия. Это позволяет «конкретно изучить» всякое число A . Более того: при возрастании α , т.е. усилении «увеличения», «все пышнее и пышнее развертываются потенции числа-точки и все числа-многоугольники».

Вводя понятие *сродства* чисел A_1 и A_2 (это если $A_1 + A_2 \equiv \alpha - 1 \pmod{(\alpha - 1)}$), Флоренский показывает, что такие числа будут изображаться многоугольниками, «тождественными по форме», но необходимыми в противоположных направлениях и начиная с другой вершины. В результате, для каждой системы счисления с основанием α , оказывается всего различных «по форме» чисел – целая часть от $(\alpha - 1)/2$. Это, по выражению Флоренского, «корни или элементы α -ичной системы счисления». Например, для десятичной системы таких корней всего четыре. Проводя параллель с естественным языком, что знаменательно в свете полярности ЧИСЛА и ИМЕНИ, о. Павел заключает: «Таковы подлинные кирпичи, атомы α -ичной системы счисления, и с одним из них сходно *каждое* число в этой системе, как бы оно ни было велико. Как известно, число несводимых друг к другу фонетических элементов, – *корней*, – лежит в основании группы языков и производит из себя все многообразие лексики», также эти основные символы «являются фундаментом α -ичной системы счисления и порождают из себя все многообразие *арифметического лексикона* данной системы»⁵⁵.

Работа «Приведение чисел» важна для нашего рассмотрения, поскольку она *явно* выстраивает мостик между числами-формами и сетями. Числа-формы здесь естественно мыслятся, как это было еще у древних пифагорейцев, геометрично, как некоторые сети, а сеть выступает как наглядное представление некоторого числа⁵⁶.

⁵⁴ Флоренский П.А. Приведение чисел (К математическому обоснованию числовой символики). Сергиев Посад, 1916. Оттиск из «Богословского Вестника». Июнь. 1916 г. С. 23. Обратим внимание на аналогию с растительным миром, а также на тему явленности, воплощенности идеи.

⁵⁵ Там же. С. 31–32.

⁵⁶ Связь чисел и сетей в пифагорейско-платоническом понимании числа особенно явно выступила в полемике исследователей о «неписанном учении» и «идеальных числах» Платона. Например, обратим внимание на споры о связи идеальных чисел с цепями диалектических определений (см.: Беккер О. Диалектическое порождение платоновых идеальных чисел (вступительная заметка, перевод и примечания В.С.Маргаритова) // Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 9 (44). М., 2005. С. 282–330; Becker O. Zum Problem der platonischen Idealzahlen // Klassische philologische Studien. 1957. Hft. 17). Очень интересная современная версия подобного понимания чисел-идей предложена в статье: Паршин А.Н. Размышления над теоремой Геделя // Историко-математические иссле-

Лучше понять «важность во многих отношениях» занятий сетями, о которой Флоренский говорит в цитированном выше письме к В.Ф. Эрну, помогает следующий перечень, имеющийся в тетради с подготовительными материалами к работе о сетях 1902 г.: «Приложения теорем<ы> Эйлера: артерии и вены; железные дороги; путешествия; мосты; лабиринты; веревочные узлы; многомерные пространства; генеалогическое дерево». Итак, сети ассоциируются для Флоренского с *генеалогическими деревьями*.

Особый интерес о. Павла к генеалогическим изысканиям общеизвестен. «В эволюционизме, — писал он, — есть здоровое зерно — генетизм, что сущность разворачивается не в один какой-нибудь момент, что духовный смысл предмета не исчерпывается каким-либо одним состоянием, а усматривается во всей совокупности его состояний»⁵⁸.

В «Смысле идеализма» (1915) говоря о *личности* и особенно о *роде*, он сравнивал их явление нам с прохождением четырехмерного объекта через трехмерное пространство. Нам легче представить аналогичную ситуацию: прохождение трехмерного тела через плоскость. Представим род *в виде дерева*, проходящего постепенно через плоскость. Для «плоскатики» единый живой организм этого дерева предстанет как сменяющаяся последовательность не соединенных друг с другом элементов. Непосредственное созерцание его реальной живой целостности требует выхода в пространство большего числа измерений.

«Много-мерный образ в мире, — или, точнее, в опыте, — меньшего числа измерений не может быть созерцаем, как *целое*, именно по своей более высокой степени реальности, — по *реалиорности* полноты своего содержания не вмещается в слишком узкие рамки бытия низшего». Именно эта мысль и лежит, по Флоренскому, в основе «генетического метода рассмотрения действительности». «Понять явление, как целое, можно, не выделив из него *один* момент и на таковом сосредоточив все свое внимание, а охватывая купно *все* стадии развития. Понять нечто, как процесс, собирая и суммируя моменты его возникновения, это именно и значит считать время за четвертую координату его, а самое явление — четырех-мерным».

Так *личность* познается в своей *биографии*, она — единая и себе тождественная и в то же время — постоянно меняющаяся, это означает «сверх-эмпирическую природу ее». Каждый момент биографии — лишь «срез ее реальности пространством эмпирии». «Самая же личность, в ее целостности, конкретно не созерцается, но отвлеченно мыслится, как искомый синтез всех

дования. Новая серия. Вып. 5 (40). М., 2000. С. 26–55. Статья переиздана в сборнике: *Паришин А.Н.* Путь. Математика и другие миры. М., 2002. С. 67–101. См. также: *Паришин А.Н.* Идеальные числа Платона (К вопросу об интерпретации) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М., 2005. С. 189–200.

⁵⁷ На связь работы о сетях с генеалогическими изысканиями Флоренского и с его рассуждениями о «круглом мышлении» в «Путях и средоточиях» впервые обратил мое внимание А.И.Олексенко.

⁵⁸ *Флоренский П.А.* Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания (1921) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 399.

моментов своей биографии». Это единство – *не во времени нашего порядка, а в вечности*, «хотя это и не есть вечность в смысле безусловном»⁵⁹.

Подробнее о генеалогии Флоренский говорит в лекционном курсе «Об историческом познании» (1916). *Сеть* есть наглядное (геометрическое) представление числа и его структуры, *генеалогическое древо* – есть наглядное представление рода, как сеть оно являет нам число рода⁶⁰.

«Круглое мышление»

В перечне приложений теорем о сетях наряду с генеалогическими деревьями указывались также «артерии и вены», т.е. ассоциация между сетями и системой кровоснабжения. Если вспомнить, что в традиционных представлениях с кровью связывалась душа, а значит, и мышление, то естественным оказывается приведенное выше уподобление системы конкретных категорий мышления кровеносной системе в работе «Имена». При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что именно *сеть оказывается у Флоренского основным образом, представляющим природу мышления*.

Так, например, в «Смысле идеализма» (1915) читаем о народном мировосприятии: «Все вещи взирают друг на друга, тысяче-кратно отражают друг друга. Все вещи – центры исходящих тайных сил. Пересекаясь, сплетаясь, запутываясь, эти черные лучи, эти нити судеб вяжут узлы – новые центры, – как бы новые много-различные манифестации природы, – то являющиеся, то исчезающие, то попадающие в поле зрения повседневного, то заволакивающиеся от солнечного света туманною дымкою или исчезающие в густой, как солома, тьме ночи»⁶¹.

Но самое яркое выражение эта связь сетей со *структурой мышления* получает в работе «Пути и средоточия» (1917–1918, 1922). Вот это описание того, что сам о. Павел называет «круглым мышлением»: «Связи отдельных мыслей органичны и существенны; но они намечены слегка, порою вопросительно, многими, но тонкими линиями. Эти связи, полу-найденные, полу-искомые, представляются *не* стальными стержнями и балками отвлеченных строений, а пучками бесчисленных волокон, бесчисленными волосками и паутинками, идущими от мысли не к ближайшим только, а ко многим, к большинству, ко всем прочим. Строение такой мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на

⁵⁹ Флоренский П.А. Смысл идеализма (метафизика рода и лика) (1915) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 107–110.

⁶⁰ Подобно тому как генеалогическое древо-сеть являет нам число рода, придающее ему целостность, также целостность личности в ее биографии являет математическая структура этой биографии, а простейшая основа этой структуры – закон золотого сечения. Об этом упоминается в одном из авторских примечаний к «Смыслу идеализма» (1915) (Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 111). Специально о золотом сечении говорится в ряде разделов спецкурса 1917 г. «Из истории философской терминологии». Здесь о. Павел строит специальное рассуждение, призванное показать, что именно закон золотого сечения является простейшим самообнаружением идеальной целостности. Поэтому естественно, что и целостность жизни, биографии личности в ее временном развертывании выражается этим законом. См.: Там же. Т. 3 (1). С. 460–502.

⁶¹ Там же. С. 151–152.

пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти любой последовательности, мы возвращаемся к ней же. Как в римановском пространстве всякий путь смыкается в самого себя, так и здесь, в *круглом* изложении мыслей, продвигаясь различными дорогами все вперед, снова и снова приходишь к отправным созерцаниям. Эта-то многочисленность и разнообразность мысленных связей делает самую ткань и крепкою, и гибкою, столь же неразрывною, сколь и приспособляющеюся к каждому частному требованию, к каждому индивидуальному строю ума. Более: в этой сетчатой ткани и промыслившему ее – вовсе не сразу видны все соотношения отдельных ее узлов и *все*, содержащиеся в возможности, взаимные связи мысленных средоточий: и ему, нежданно, открываются *новые* подходы от средоточия к средоточию, уже закрепленные сетью, но *без* ясного намерения автора»⁶².

Но как подобное описание процесса мышления согласуется с теми *жесткими схемами* из трех или семи ячеек, которые мы находили у Флоренского во второй части настоящей главы? Можно, конечно, сослаться на те оговорки, которые делает сам о. Павел, например, при обсуждении структуры Таинств (см. выше), но для более глубокого понимания ситуации надлежит обратиться к рассмотрению того, как Павел Флоренский понимает *диалектику*.

4. Диалектика и схемы в конкретной метафизике

Свое понимание слова «диалектика» Флоренский обсуждает во вступительной речи перед защитой магистерской диссертации, опубликованной под заглавием «Разум и диалектика» (1914). Затем он посвящает этому же вопросу главу «Диалектика» (над которой работает в 1918–1922 гг.) в первой части работы «У водоразделов мысли»⁶³.

Диалектику о. Павел определяет как «жизненное и живое непосредственное мышление, в противоположность мышлению школьному, т.е. рассудочному, анализирующему и классифицирующему». Душевная жизнь, – говорит он, – есть связанное целое, «напоминающее *ткань* или кружево, где нити сплетаются

⁶² Флоренский П.А. Пути и средоточия // Собр. соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (1). С. 35. «Круглый», *сетевой* характер мышления о. Павел обнаруживает, как в познании культуры – в *истории*, так и в познании природы – в *естествознании*. В материалах к лекционному курсу «Об историческом познании» (1916) находим следующее интересное место: «Природа есть единое связанное целое. Но расчленением ее на вещи, и вещи суть точки опоры в дальнейшем исследовании. <...> Расчлененность природы на вещи есть условие мысли о природе. Но тогда, значит, природа распадается, перестает быть единым. Нет, она сочленяется в единую систему вещей. <...> причинность мира реализуется в виде множества отдельных, между собою пересекающихся причинных *рядов*, причинных нитей, так сказать, и эти *нити судьбы* друг от друга в течении своем уже независимы, хотя, б.м., и исходят из одного общего узла. Итак, вселенная расчленяется на вещи, соединенные между собою нитями причинности. <...> Если природа расчленяется на вещи, то история – на лица. <...> в науках о культуре, занятых *лицами*, такою связью *лиц*, без которой не понять лица и с уничтожением которой уничтожились бы самые лица есть связь *рождения*» (Собр. соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3 (2). С. 27–28). Флоренский обращает наше внимание на сходство причинных сетей в естествознании и генеалогических сетей в истории. Как сфера вещей, так и сфера личностей предстают, таким образом, как области раскрывающие себя через сети-числа.

⁶³ Следует упомянуть также и более раннюю попытку: раздел «Диалектика» в статье «Гамлет» (1905?) // Соч. в 4-х томах. М., 1994. Т. 1. С. 250–252.

многообразными и сложными узорами. Сообразно с этим и диалектика есть развитие не одной темы, а многих, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга, и снова выступающих»⁶⁴.

Флоренский сопоставляет и противопоставляет философию и науку по их отношению к тому, что он называет словом «схема». Наука — это «схемостроительство из себя». *Символ*, т.е. первоначально явленное в слове и образе живое соприкосновение, встреча, взаимопроникновение познающего и познаваемого, неизбежно разрушается и умирает, — оставляя после себя «труп» — мертвую схему. Наука занимается именно схемами. Собирает их, классифицирует и т.д. Философия же и ее метод — диалектика, есть *само* «касание действительности», а не его результаты. «Не о символах действительности, им созданных, повествует философ, но *самые* символы, в их рождении от действительности, показывает. Он не научает, а перед нами *испытует* действительность».

«Это ненасыщаемое вглядывание в реальность и это ненасыщаемое вслушивание слова ее есть диалектика. Прорываясь сквозь оболочки нашей субъективности, сквозь омертвевшие отложения нашего духа, мысль философа есть присно-опытная мысль, ибо она неизменно работает не *над* символами, как таковыми, а лишь символами *над самой* действительностью. Пока животрепещут — они несут свою должность; но когда, — усыхая и мертвея, — подобно осеннему листу они опадают от золотого древа жизни, тогда мысль прорывается и чрез них — к новому соприкосновению с самою жизнью, и так — еще и еще. Наука довольствуется единичным опытом и, построив схему, обволокнув его схемой, работает над обволакивающей схемой; философия ищет присно-неувядаемого опыта, и мысль сует от себя к жизни и от жизни вновь к себе. Это снование ее есть диалектика, философский метод»⁶⁵.

Следует ли из сказанного, что возникающие в ходе диалектического движения мысли схемы — не имеют никакой цены? Нет, не следует. Да, они «мертвы», но, во-первых, они *свидетельствуют* о живой мысли. Плотин сравнивал их со статуями, которые мы встречаем в храме перед входом во святилище. А, во-вторых, эти «изваяния» — не бесполезны, они способны подготовить нас к встрече в святилище с «самим»⁶⁶. Мертвые схемы способны оживать вновь в ответ на наше желание открыть их «*внутреннее единство*», *понять* их⁶⁷. Движение мысли ни в науке, ни в философии не обходится без схем, различие лишь в том, если воспользоваться языком Платона (конец VI книги «Государства»), направлено ли это движение «к началу» онтологической иерархии или «к завершению» ее.

⁶⁴ Флоренский П.А. Вступительное слово пред зачиткою на степень магистра книги «О Духовной Истине» (1914) // Соч. в 2-х томах. М., 1990. Т. 1 (2). С. 822, 826.

⁶⁵ Флоренский П.А. Диалектика (1922) // Соч. в 4-х томах. Т. 3 (1). С. 122–124.

⁶⁶ См.: Плотин. О благе или едином (VI 9) // Логос. № 3. М., 1992. С. 225. Если заменить языческий храм на православный, а плотиновские изваяния на иконостас, то получим нечто очень близкое к рассуждениям Флоренского об «облечении в символические образы» на границе вхождения из горнего в дальнее, об «образах нисхождения» как «выкристаллизовавшемся на границе миров опыте мистической жизни» (Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994. С. 47). О теме «границы» см. прим. 13.

⁶⁷ Флоренский П.А. Вступительное слово пред зачиткою на степень магистра книги «О Духовной Истине» (1914) // Соч. в 2-х томах. М., 1990. Т. 1 (2). С. 823.

Да, Флоренский противопоставляет жесткие, фиксированные схемы живой и вечно ткущейся сети диалектической мысли, но плохи не сами схемы. Плохо лишь неадекватное отношение к ним, как к окончательному объяснению, претензии на постановку окончательной точки, прекращение вопрошания. Не случайно сам о. Павел так любит приводить их в своих текстах и использовать в своих рассуждениях, что достаточно хорошо видно из первых двух разделов настоящей статьи.

Математика, занятая схемами, точнее – возможностями, имеющимися в их построении, есть – *отрицательная философия*, требующая дополнения философией *положительной, абстракции* – требующие *конкретного воплощения*⁶⁸. Но на своем месте математика важна и нужна, даже – незаменима. Математика как наука о числах-сетях, или типах порядка, если использовать терминологию Кантора, составляет основу всякого мышления, это – *азбука философии*, без усвоения которой нельзя идти дальше⁶⁹.

Подведем итоги. Наше рассмотрение совершило круг. Мы начали с описания онтологических схем, используемых в текстах о. Павла Флоренского, и обнаружили ЧИСЛО, как важный элемент этих схем. Обсуждение места ЧИСЛА в составе онтологической схемы привело нас к пониманию числа как *формы и структуры*. Поиски конкретных реализаций такого подхода к числу в текстах Флоренского вывели нас на связь чисел и сетей, а отсюда на понимание числа как *сети*. Далее мы обнаружили в рассуждениях о. Павла всевозможные примеры сетей и пришли к пониманию мышления вообще как построения чисел-сетей. После этого круг замкнулся в попытке увидеть в онтологических схемах Флоренского проявление сетевого мышления, т.е. понять их как примеры чисел-сетей.

⁶⁸ При составлении проспекта собрания своих сочинений в 1919 г. о. Павел объединил «статьи философско-математические» в первом томе под заглавием «Черты отрицательной философии» (Соч. в 4-х томах. М., 1994. Т. 1. С. 701). По поводу термина «отрицательная философия» Флоренский пишет: «Шеллинг, как известно делит философию на *отрицательную и положительную*, причем отрицательная исследует возможность, а следовательно и невозможность, а положительная реальность и следовательно нереальность» (Заметки к лекциям по энциклопедии элементарной и высшей математики (1919), с. 22 рукописи). Математика связана для о. Павла с установлением «границ возможного и невозможного». Он приводит афоризм Араго: «тот, кто вне области чистой математики произносит слово «невозможно», – лишен благоразумия». Добавляя, что афоризм сохранит силу и при замене слова «невозможно» на слово «возможно». (Там же, с. 22 рукописи; а также: Лекции по энциклопедии математики (1908), с. 14 рукописи). В программе курса по энциклопедии математики (1909, рукописи) фигурируют такие формулировки: «математика, как наука исследующая *общие условия возможности и невозможности*» и «математика, как наука исследующая *общие схемы закономерности*». Обратим внимание на присутствие в последнем определении слова «схема». Да, математика занята схемами, которые абстрактны и мертвы, но именно они составляют основу для адекватного перехода от абстрактного к конкретному, от мертвого к живому, от фрагментарного к целостному и от возможного к реальному. При правильном взгляде на эти схемы они оживают. Об этом Флоренский писал еще в годы первого студенчества (см.: *Флоренский П.А.* Черновик выступления на открытии студенческого математического кружка (1902) // Историко-математические исследования. М., 1990. Вып. 32–33. С. 467–473) и, судя по всему, сохранил такое понимание математики на протяжении всей жизни.

⁶⁹ «Азбукой» диалектического метода математика названа в «Учебнике платоновской философии» Алкиноя (II в. по Р.Х.). См.: Учебники платоновской философии / Сост. Ю.А.Шичалин. Томск, 1995. С. 75.

На нашем пути мы имели возможность сделать несколько заслуживающих внимание наблюдений. Платонизм о. Павла предстает как *имяславие*, с одной стороны, и *пифагореизм* – с другой. Все для него имеет, как внутреннюю (ноуменальную, духовную), так и внешнюю (феноменальную, материальную) стороны. Явление идеи всегда *антиномично*: единый *эйдос* предстает и как *имя*, и как *число*, являет себя и как *вещь*, и как *личность*. Понимание числа у Флоренского есть попытка продемонстрировать правильность основных интуиций пифагорейско-платонического подхода к природе числа. Так вывод, к которому пришел Оскар Беккер, что греческое понятие «аритмос» не уже, как обычно считают, а шире, чем наше понятие «числа»⁷⁰, находит разностороннее подтверждение у о. Павла. Число-сеть, число-структура оказывается у Флоренского *универсальным* предметом математики: каждое *целостное* явление должно быть охарактеризовано математически *целостным* объектом – «типом порядка», пифагорейским числом-формой. Именно в этом направлении идет он развития математики.

Математика предстает для о. Павла как основа «отрицательной философии», философии *возможного*, – без должного развития которой, без этого знания «прототипов всяких отношений между бытиями» невозможно построить положительную философию, философию реального, конкретную метафизику. Схемы чистой математики, – сами по себе абстрактные, жесткие, «мертвые», – захваченные диалектическим движением мысли – «конкретизируются», утрачивают жесткость, «оживают», кости покрываются плотью и начинают двигаться и действовать⁷¹. Диалектика же имеет дело с *пограничными* явлениями, с тем, что происходит на границе – *зеркальной поверхности* – месте встречи и размежевания внутреннего и внешнего, ноуменального и феноменального, духовного и материального, личности и вещи и т.д. Существующее на границе есть *символ*. Именно здесь открывается подлинное значение математики – математические *схемы*, будучи поставленными на границу, раскрывают свой смысл как *символы*, живущие только в точке встречи дальнего с горним.

⁷⁰ Becker O. Zum Problem der platonischen Idealzahlen // Klassische philologische Studien. 1957. Hft. 17. P. 21.

⁷¹ См.: Флоренский П.А. Черновик выступления на открытии студенческого математического кружка (1902) // Историко-математические исследования. М., 1990. Вып. 32–33. С. 470–472.

УДК 5:1
ББК 22.1:87
Ч-67

Редколлегия сборника:

А.Н. Кричевец, кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, факультет психологии МГУ (ответственный редактор);

Г.Б. Гутнер, кандидат философских наук, ИФРАН;

В.Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, философский факультет МГУ;

В.А. Шапошников, кандидат философских наук, доцент, философский факультет МГУ;

С.Л. Катречко, кандидат философских наук, доцент, философский факультет МГУ

Число: Сб. статей/ Редколл.: Кричевец А.Н. (отв. ред.), Гут-
Ч-67 нер Г.Б., Перминов В.Я. и др. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 368 с.
ISBN 978-5-317-02782-7

Коллектив авторов статей, представленных в сборнике «Число», сложился вокруг Московского семинара по философии математики, работающего в МГУ с 1986 года. Семинар собирается в третью пятницу каждого месяца с сентября по май. Сборник «Число» – четвертый из серии сборников трудов семинара (предыдущие, выпущенные под редакцией А.Г. Барабашева, «Бесконечность в математике», М., Янус-К, 1997; «Стили в математике», С.-Пб, РХГИ, 1999; «Математика и опыт», М., Изд-во МГУ, 2003).

Данный сборник, как и предыдущие, является итогом серии из двух конференций, организуемых семинаром. Форма работы над сборником такова: на первой конференции происходит чтение докладов и их обсуждение. К следующей конференции, которая собирается через год, авторы пишут и рассылают статьи другим участникам. На конференции автор коротко излагает содержание статьи, затем происходит обсуждение. Авторы наиболее интересных реплик получают право написать комментарий к статье. Эти комментарии пересылаются автору статьи, который при желании пишет ответ комментаторам.

Такая форма помогает авторам более четко выражать и отстаивать свою позицию, а читателю дает «стереоскопическую» картину обсуждаемых проблем.

Среди участников семинара – авторов сборника – философы, логики и историки математики, работающие в междисциплинарном поле, требующем квалификации во всех этих областях. Большинство из них преподают философию, логику, математику и ее историю в МГУ, РГГУ, МГТУ и других учебных заведениях.

УДК 5:1
ББК 22.1:87

Подготовка оригинал-макета:
Издательство «МАКС Пресс»
Компьютерная верстка: Н.С. Давыдова

Научное издание

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

Подписано к печати 07.04.2009 г. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 23,0. Тираж 500 экз. Заказ 171.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 627 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.

ISBN 978-5-317-02782-7

© Коллектив авторов, 2009